

Литвинка. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://lermontovmikhail.ru/> приятного чтения!

Литвинка. Михаил Юрьевич Лермонтов

повесть

1

Чей старый терем на горе крутой
Рисуется с зубчатою стеной?
Бессменный царь синеющих полей,
Кого хранит он твердостью своей?
Кто темным сводам поверять привык
Молитвы шепот и веселья клик?
Его владельца назову я вам:
Под именем Арсения друзьям
И недругам своим он был знаком
И не мечтал об имени другом.
Его права оспоривать не смел
Еще никто; – он больше не хотел!
Не ведал он владыки и суда,
Не посещал соседей никогда;
Богатый в мире, славный на войне,
Когда к нему являлись оне, –
Он убегал доверчивых бесед,
Презрением дышал его привет;
Он даже лаской гостя унижал,
Хотя, быть может, сам того не знал;
Не потому ль, что слишком рано он
Повелевать толпе был приучен?

2

На ложе наслажденья и в бою
Провел Арсений молодость свою.
Когда звучал удар его меча,
И красная являлась епанча,
Бежал татарин, и бежал литвин;
И часто стоил войска он один!
Вся в ранах грудь отважного была;
И посреди морщин его чела,
Приличнейший наряд для всяких лет,
Краснел рубец, литовской сабли след!

3

И возвратясь домой с полей войны,
Он не прижал к устам уста жены,
Он не привез парчи ей дорогой,
Отбитой у татарки кочевой;
И даже для подарка не сберег
Ни жемчугов, ни золотых серег.
И возвратясь в забытый старый дом,
Он не спросил о сыне молодом;
О подвигах своих в чужой стране
Он не хотел рассказывать жене;
И в час свиданья радости слеза
Хоть озарила нежные глаза,
Но прежде чем упасть она могла –
Страдания слезою уж была.
Он изменил ей! – Что святой обряд
Тому, кто ищет лишь земных наград?
Как путники небесны, облака,
Свободно сердце, и любовь легка...

4

Два дня прошло, – и юная жена
Исчезла; и старуха лишь одна
Изгнанье разделить решила с ней
В монастыре, далеко от людей
(И потому не ближе к небесам).
Их жизнь – одна молитва будет там!
Но женщины обманутой душа,
Для света умертвись и им дыша,

Могла ль забыть того, кто столько лет
Один был для нее и жизнь и свет?
Он изменил! увы! но потому
Ужель ей должно изменить ему?
Печаль несчастной жертвы и закон,
Всё презирал для новой страсти он,
Для пленницы, литвинки молодой,
Для гордой девы из земли чужой.
В угодность ей, за пару сладких слов
Из хитрых уст, Арсений был готов
На жертву принести жену, детей,
Отчизну, душу, всё, – в угодность ей!

5

Светило дня, краснея сквозь туман,
Садится горделиво за курган,
И, отделив ряды дождливых туч,
Вдоль по земле скользит прощальный луч,
Так сладостно, так тихо и светло,
Как будто мира мрачное чело
Его любви достойно! Наконец
Оставил он долину и, венец
Горы высокой, терем озарил
И пламень свой негнущий разлил
По стеклам расписным светлицы той,
Где так недавно с радостью живой,
Облокотясь на столик, у окна,
Ждала супруга верная жена;
Где с детскою досадой сын ее
Чуть поднимал отцовское копье; –
Теперь... где сын и мать? – На месте их
Сидит литвинка, дочь степей чужих.
Безмолвная подруга лучших дней,
Расстроенная лютня перед ней;
И, по струне оборванной скользя,
Блестит зари последняя струя.
Устала Клара от душевных бурь...
И очи голубые, как лазурь,
Она сидит, на запад устремив;
Но не зари пленял ее разлив:
Там родина! Певец и воин там
Не раз к ее склонялися ногам!
Там вольны девы! – Там никто бы ей
Не смел сказать: хочу любви твоей!..

6

Она должна с покорностью немой
Любить того, кто грозною войной
Опустошил поля ее отцов;
Она должна приветы нежных слов
Затверживать, и ненависть, тоску
Учить любви святому языку;
Младую грудь к волненью принуждать,
И страстью небывалой объяснять
Летучий вздох и влажный пламень глаз;
Она должна... но мщенью будет час!

7

Вечерний пир готов; рабы шумят.
В покоях пышных блещет свет лампад;
В серебряном ковше кипит вино;
К его парам привыкнувший давно,
Арсений пьет янтарную струю,
Чтоб этим совесть потопить свою!
И пленница, его встречая взор,
Читает в нем к веселью приговор,
И ложная улыбка, громкий смех,
Кроме ее, обманывают всех.
И веря той улыбке, восхищен
Арсений; и литвинку обнял он;
И кудри золотых ее волос,

Нежнее шелка и душистей роз,
Скатилися прозрачной пеленой
На грубый лик, отмеченный войной;
Лукаво посмотрев, принявши вид
Невольной грусти, Клара говорит:
«Ты любишь ли меня?» – «Какой вопрос? –
Воскликнул он. – Кто ж больше перенес
И для тебя так много погубил,
Как я? – и твой Арсений не любил?
И, – человек, – я б мог обнять тебя,
Не трепеща душою, не любя?
О, шутками меня не искушай!
Мой ад среди людских забот – мой рай
У ног твоих! – и если я не тут,
И если рук моих твои не жмут,
Дворец и плаха для меня равны,
Досадой дни мои отравлены!
Я непорочен у груди твоей:
Суров и дик между других людей!
Тебе в колена голову склонив,
Я, как дитя, беспечен и счастлив,
И теплое дыханье уст твоих
Приятней мне курений дорогих!
Ты рождена, чтобы повелевать:
Моя любовь то может доказать.
Пусть я твой раб – но лишь не раб судьбы!
Достойны ли тебя ее рабы?
Поверь, когда б меня не создал бог,
Он ниспослать бы в мир тебя не мог».

8

«О, если б точно ты любил меня! –
Сказала Клара, голову склоня, –
Я не жила бы в тереме твоём.
Ты говоришь: он мой! – А что мне в нём?
Богатством дивным, гордой высотой
Очам он мил, – но сердцу он чужой.
Здесь в роще воды чистые текут –
Но речку ту не Вилией зовут;
И ветер, здесь колеблющий траву,
Мне не приносит песни про Литву!
Нет! русский, я не верую любви!
Без милой воли, что дары твои?»
И отвернулась Клара, и укор
Изобразил презренья хладный взор.
Недвижим был Арсений близ нее,
И, кроме воли, отдал бы он всё,
Чтоб получить один, один лишь взгляд
Из тех, которых всё блаженство – яд.

9

Но что за гость является ночной?
Стучит в ворота сильною рукой,
И сторож, быстро пробудясь от сна,
Кричит: «Кто там?» – «Впустите! ночь темна!
В долине буря свищет и ревет,
Как дикий зверь, и тмит небесный свод;
Впустите обогреться хоть на час,
А завтра, завтра мы оставим вас,
Но никогда в молениях своих
Гостеприимный кров степей чужих
Мы не забудем!» Страж не отвечал;
Но ключ в замке упрямо завизжал,
Об доски тяжкий загремел затвор,
Расхлопнулись ворота – и на двор
Два странника въезжают. Фонарем
Озарены, идут в господский дом.
Широкий плащ на каждом, и порой
Звенит и блещет что-то под полой.

10

Арсений приглашает их за стол,
И с ними речь приветную завел;
Но странники, хоть им владелец рад,
Не много пьют и меньше говорят.
Один из них еще во цвете лет,
Другой, согбенный жизнью, худ и сед,
И по речам заметно, что привык
Употреблять не русский он язык.
И младший гость по виду был смелей:
Он не сводил пронзительных очей
С литвинки молодой, и взор его
Для многих бы не значил ничего...
Но видно ей когда-то был знаком
Тот дикий взор с возвышенным челом!
Иль что-нибудь он ей о прошлых днях
Напоминал! как знать? – не женский страх
Ее заставил вздрогнуть и вздохнуть,
И голову поспешно отвернуть,
И белою рукой закрыть глаза,
Чтоб изменить не смела ей слеза!..

11

»Ты побледнела, Клара?» – «Я больна!»
И в комнату свою спешит она.
Окно открывши, села перед ним,
Чтоб освежиться воздухом ночным.
Туман в широком поле, огонек
Блестит вдали, забыт и одинок;
И ветер, нарушитель тишины,
Шумит, скользя во мраке вдоль стены;
То лай собак, то колокола звон
Его дыханьем в поле разнесен.
И Клара внемлет. – О как много дум
Вмещал в себе беспечный, резвый ум:
О! если б кто-нибудь увидеть мог
Хоть половину всех ее тревог,
Он на себя, не смея измерять,
Всю тягость их решился бы принять,
Чтобы чело, где радость и любовь
Сменялись прежде, прояснилось вновь,
Чтоб заиграл румянец на щеках
Как радуга в вечерних облаках...
И что могло так деву взволновать?
Не пришлецы ль? – Но где и как узнать?
Чем для души страдания сильнее,
Тем вечный след их глубже тонет в ней,
Покуда всё, что небом ей дано,
Не превратят в страдание одно.

12

Раздвинул тучи месяц золотой,
Как херувим духов враждебных рой,
Как упованья сладостный привет
От сердца гонит память прошлых бед.
Свидетель равнодушный тайн и дел,
Которых день узнать бы не хотел,
А тьма укрыть, он странствует один,
Небесной степи бледный властелин.
Обрисовав литвинки юный лик,
В окно светлицы луч его проник,
И, придавая чудный блеск стеклу,
Беспечно разыгрался на полу,
И озарил персидский он ковер,
Высоких стен единственный убор.
Но что за звук раздался за стеной?
Протяжный стон, исторгнутый тоской,
Подобный звуку песни... если б он
Неведомым певцом был повторен...
Но вот опять! Так точно... кто ж поет?
Ты, пленница, узнала! верно тот,

Чей взор туманный, с пасмурным челом,
Тебя смутил, тебе давно знаком!
Несбыточным мечтаньям предана,
К окну склонившись, думает она:
В одной Литве так сладко лишь поют!
Туда, туда меня они зовут,
И им отозвался в груди моей
Такой же звук, залог счастливых дней!

13

Минувшее дышало в песни той,
Как вольность – вольной, как она – простой;
И всё, чем сердцу родина мила,
В родимой песни пленница нашла.
И в этом наслажденья был упрек;
И всё, что женской гордости лишь мог
Внушить позор, явилось перед ней,
Хладней презренья, мщенья страшней.
Она схватила лютю, и струна
Звенит, звенит... и вдруг пробуждена
Восторгом и надеждою, в ответ
Запела дева!.. этой песни нет
Нигде. – Она мгновенна лишь была,
И в чьей груди родилась – умерла.
И понял, кто внимал! – Не мудрено:
Понятье о небесном нам дано,
Но слишком для земли нас создал бог,
Чтоб кто-нибудь ее запомнить мог.

14

Взошла заря, и отделился лес
Стеной зубчатой на краю небес.
Но отчего же сторож у ворот
Молчит и в доску медную не бьет?
Что терем не обходит он кругом?
Ужель он спит? – Он спит – но вечным сном!
Тяжелый кинут на землю затвор;
И близ него старик: закрытый взор,
Уста и руки сжаты навсегда,
И вся в крови седая борода.
Сбежалась куча боязливых слуг;
С бездействием отчаянья вокруг
Убитого, при первом свете дня,
Они стояли, головы склоняя;
И каждый состраданием пылал,
Но что начать, никто из них не знал.
И где ночной убийца? Чья рука
Не дрогнула над сердцем старика?
Кто растворил высокое окно
И узкое оттуда полотно
Спустил на двор? Чей пояс голубой
В песке затоптан маленькой ногой?
Где странники? К воротам виден след...
Понятно всё... их нет! – и Клары нет!

15

И долго неожиданную весть
Никто не смел Арсению принести.
Но наконец решились: он внимал,
Хотел вскочить, и неподвижен стал,
Как мраморный кумир, как бы мертвец,
С открытым взором встретивший конец!
И этот взор, не зря, смотрел вперед,
Блестя огнем, был холоден как лед,
Рука, сомкнувшись, кверху поднялась,
И речь от синих губ оторвалась:
На клятву походила речь его,
Но в ней никто не понял ничего;
Она была на языке родном –
Но глухо пронеслась, как дальний гром!..

16

Бежали дни, Арсений стал опять,
Как прежде, видеть, слышать, понимать,
Но сердце, пораженное тоской,
Уж было мертво, – хоть в груди живой.
Умел изгнать он из него любовь; –
Но что прошло, небывшим сделать вновь
Кто под луной умеет? Кто мечтам
Назначит круг заветный, как словам?
И от души какая может власть
Отсечь ее мучительную часть?
Бежали дни, ничем уж не был он
Отныне опечален, удивлен;
Над ним висеть, чернеть гроза могла,
Не изменив обычный цвет чела;
Но если он, не зная отвести,
Удар судьбы умел перенести,
Но если показать он не желал,
Что мог страдать, как некогда страдал,
То язва, им презренная, потом
Всё становилось глубже, – день со днем! –
Он Клару не умел бы пережить,
Когда бы только смерть... но изменить? –
И прежде презирал уж он людей:
Отныне из безумца – стал злодей.
И чем же мог он сделаться другим,
С его умом и сердцем огненным?
17

Есть сумерки души, несчастья след,
Когда ни мрака в ней, ни света нет.
Она сама собою стеснена,
Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;
И небо обвинить нельзя ни в чем,
И как назло всё весело кругом!
В прекрасном мире – жертва тайных мук,
В созвучии вселенной – ложный звук,
Она встречает блеск природы всей,
Как встретил бы улыбку палачей
Приговоренный к казни! – И назад
Она кидает беспокойный взгляд,
Но след волны потерян в бездне вод,
И лист отпавший вновь не зацветет!
Есть демон, сокрушитель благ земных,
Он радость нам дарит на краткий миг,
Чтобы удар судьбы сразил скорей.
Враг истины, враг неба и людей,
Наш слабый дух ожесточает он,
Пока страданья не умчат как сон
Всё, что мы в жизни ценим только раз,
Всё, что ему еще завидно в нас!..
18

Против Литвы пошел великий князь.
Его дружины, местью воспалась,
Грозят полям и рощам той страны,
Где загорится пламенник войны.
Желая защищать свои права,
Дрожит за вольность гордая Литва,
И клевы хищных птиц, и зуб волков
Скользят уж по костям ее сынов.
19

И в русский стан, осенним, серым днем,
Явился раз, один, без слуг, пешком,
Боец, известный храбростью своей, –
И сделался предметом всех речей.
Давно не поднимал он щит и шлем,
Заржавленный покоем! – И зачем
Явился он? Не честь страны родной
Он защищать хотел своей рукой;
И между многих вражеских сердец

Одно лишь поразить хотел боец.

20

Вдоль по реке с бегущею волной
Разносит ветер бранный шум и вой!
В широком поле цвет своих дружин
Свели сегодня русский и литвин.
Чертой багряной серый небосклон
От голубых полей уж отделен,
Темнеют облака на небесах,
И вихрь несет в глазах песок и прах:
Всё бой кипит; и гнется русский строй,
И, окружен отчаянной толпой,
Хотел бежать... но чей знакомый глас
Все души чудной силою потряс?
Явился воин: красный плащ на нем,
Он без щита, он уронил шолом;
Вооружен секирою стальной,
Предстал – и враг валится, и другой,
С запекшеюся кровью на устах,
Упал с ним рядом. Обнял тайный страх
Сынов Литвы: ослушные кони
Браздам не верят! тщетно бы они
Хотели вновь победу удержать:
Их гонят, бьют, они должны бежать!
Но даже в бегстве, обратясь назад,
Они ударов тяжких сыплют град.

21

Арсений был чудесный тот боец.
Он кровию решился наконец
Огонь в груди проснувшийся залить.
Он ненавидит мир, чтоб не любить
Одно созданье! Кучи мертвецов
Кругом него простерты без щитов,
И радостью блистает этот взор,
Которым месть владеет с давних пор.
Арсений шел, опередив своих,
Как метеор меж облаков ночных;
Когда ж заметил он, что был один
Среди жестоких, вражеских дружин,
То было поздно! – «Вижу, час настал!» –
Подумал он, и меч его искал
Своей последней жертвы. – «Это он!» –
За ним воскликнул кто-то. – Поражен,
Арсений обернулся, – и хотел
Проклятье произнести, но не умел.
Как ангел брани, в легком шашке,
Стояла Клара, с саблею в руке;
И юноши теснились за ней,
И словом, и движением очей
Распоряжая пылкою толпой,
Она была, казалось, их судьбой.
И встретивши Арсения, она
Не вздрогнула, не сделалась бледна,
И тверд был голос девы молодой,
Когда, взмахнувши белою рукой,
Она сказала: «Воины! вперед!
Надежды нет, покуда не падет
Надменный этот русский! Перед ним
Они бегут – но мы не побежим.
Кто первый мне его покажет кровь,
Тому моя рука, моя любовь!»

22

Арсений отвернул надменный взор,
Когда он услышал свой приговор.
«И ты против меня!» – воскликнул он;
Но эта речь была скорее стон,
Как будто сердца лучшая струна
В тот самый миг была оборвана.

С презреньем меч свой бросил он потом,
И обернулся медленно плащом,
Чтобы из них никто сказать не смел,
Что в час конца Арсений побледнел.
И три копья пронзили эту грудь,
Которой так хотелось отдохнуть,
Где столько лет с добром боролось зло,
И наконец оно превозмогло.
Как царь дубровы, гордо он упал,
Не вздрогнул, не взглянул, не закричал.
Хотя б молитву или злой упрек
Он произнес! Но нет! он был далек
От этих чувств: он век счастливый свой
Опередил неверющей душой;
Он кончил жизнь с досадой на челе,
Жалея, мысля об одной земле, –
Свой ад и рай он здесь умел сыскать.
Других не знал, и не хотел он знать!..

23

И опустел его высокий дом,
И странников не угощают в нем;
И двор зарос зеленою травой,
И пыль покрыла серой пеленой
Святыя образа, дубовый стол
И пестрые ковры! и гладкий пол
Не скрипнет уж под легкою ногой
Красавицы лукавой и младой.
Ни острый меч в серебряных ножнах,
Ни шлем стальной не блещут на стенах;
Они забыты в поле роковом,
Где он погиб! – в покое лишь одним
Всё, всё как прежде: лютня у окна,
И вокруг нее обвитая струна;
И две одежды женские лежат
На мягком ложе, будто бы назад
Тому лишь день, как дева стран чужих
Сюда небрежно положила их.
И, раздувая полог парчевой,
Скользит по ним прохладный ветер ночной,
Когда сквозь тонкий занавес окна
Глядит луна – нескромная луна!

24

Есть монастырь, и там в неделю раз
За упокой молящих слышен глас,
И с честью пред набожной толпой
Арсений поминается порой.
И блещет в церкви длинный ряд гробов,
Украшенный гербом его отцов;
Но никогда меж них не будет тот,
С которым славный кончился их род.
Ни свежий дерн, ни пышный мавзолей
Не тяготит сырых его костей;
Никто об нем не плакал... лишь одна,
Монахиня!.. Бог знает, кто она?
Бог знает, что пришло на мысли ей
Жалеть о том, кто не жалел об ней!..
Увы! Он не любил, он не жалел,
Он даже быть любимым не хотел,
И для нее одной был он жесток:
Но разве лучше поступил с ним рок?
И как не плакать вечно ей о том,
Кто так обманут был, с таким умом,
Кто на земле с ней разлучен судьбой,
И к счастью не воскреснет в жизни той?..
В печальном только сердце может страсть
Иметь неограниченную власть:
Так в трещине развалин иногда
Береза вырастает: молода

Литвинка. Михаил Юрьевич Лермонтов lermontovmikhail.ru

И зелена – и взоры веселит,
И украшает сумрачный гранит!
И часто отдыхающий прошлец
Грустит об ней, и мыслит: наконец
Порывам бурь и зною предана,
Увянет преждевременно она!..
Но что ж! – усилья вихря и дождей
Не могут обнажить ее корней,
И пыльный лист, встречая жар дневной,
Трепещет всё на ветке молодой!..

Примечания

Печатается по авторизованной копии – ИРЛИ, оп. 1, № 21а (Казанская тетрадь), лл. 1–9.

Стихи «В печальном только сердце может страсть... Трепещет всё на ветке молодой!..» написаны рукой Лермонтова.

Имеются копии – ИРЛИ, оп. 2, № 46, лл. 1–23; № 48, л. 1–8 и ГПБ, Собр. рукописей М. Ю. Лермонтова, № 64, лл. 1–14 – текст казанской тетради, с небольшими разночтениями.

Стих «Проклятье произнестъ, но не умел.» до сих пор печатался: «Проклятье произнестъ, но не успел». В настоящем издании эта строка печатается точно по тексту авторизованной копии: «Проклятье произнестъ, но не умел».

Впервые опубликовано в отрывках в Соч. под ред. Дудышкина (т. 2, 1860, стр. 287–290), полностью – в «Русск. старине» (1882, т. 36, № 12, стр. 685–696), где по сообщению П. Е. Ефремова воспроизведено по копии ГПБ; одновременно в «Русск. мысли» (1882, № 12, стр. 1–15) опубликовано П. А. Висковатовым с произвольными отступлениями от текста.

Датируется 1832 годом по нахождению в Казанской тетради. На обложке тетради указан 1832 год, и после текста поэмы следуют стихотворения этого же года. Стихи «Как путники небесны, облака, Свободно сердце, и любовь легка...», «Есть сумерки души, несчастья след,.. Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;», «Есть демон, сокрушитель благ земных,.. Всё, что ему еще завидно в нас!..» в несколько измененном виде перенесены из поэмы «Джулио». Стихи «Есть сумерки души, несчастья след,.. Жизнь ненавистна ей и смерть страшна;» имеются и в стихотворении «1831-го июня 11 дня».

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке

<http://lermontovmikhail.ru/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

<http://filosoff.org/> философия, философы мира, философские течения. Биография

<http://dostoevskiyfyodor.ru/>

сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!